"КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ ПОХОДЪ"

/Изъ воспоминаній о Галлиполи/

Въ началѣ Декабря 1920 года въ Галлиполи серьезно заболѣлъ Генералъ Кутеповъ, при чемъ, по требованію врачей, къ нему первое время никто не допускался. Я былъ назначенъ вр. командующимъ I-го Корпуса.

Французскій гарнизонъ въ Галлиполи составлялъ батальонъ Сенегальцевъ и кромѣ того на рейдѣ стояла канонерская лодка. Во главѣ этого гарнизона стоялъ французскій комендантъ Подполковникъ Вейлеръ, котораго въ началѣ Декабря смѣнилъ Подполковникъ Томассенъ.

Передъ пріѣздомъ новаго французскаго коменданта, Подполковникъ Вейлеръ предупредилъ меня, что по требованію командира Оккупаціоннаго Корпуса, находящагося въ Константинополѣ, намъ будутъ предъявлены довольно серьезныя требованія въ смыслѣ стѣсненія насъ, какъ воинскую организацію.

Въ Галлиполи прибылъ Подполковникъ Томассенъ и чуть ли не на слѣдующій день оба французскихъ коменданта, старый и новый, пришли ко мнѣ въ штабъ Корпуса съ оффиціальнымъ визитомъ. Въ тотъ же день я отдалъ имъ визиты. Во время визитовъ нашъ разговоръ носилъ общій характеръ и можно было думать, что Подполковникъ Вейлеръ сгущалъ краски въ своемъ предупрежденіи. Однако, на слѣдующій день, послѣ отъѣзда Вейлера, я получилъ оффиціальное приглашеніе отъ французскаго коменданта пожаловать къ нему въ Управленіе.

Невольно вспоминаются мнѣ оба французскіе офицеры, съ которыми пришлось вести служебные переговоры въ первые же дни послѣ оставленія Россіи. Тогда еще намъ было совершенно непонятно странное и, съ нашей точки зрѣнія, неестественное отношеніе къ намъ со стороны нашей союзницы въ лицѣ ея офицеровъ.

Вейлеръ былъ средняго роста, блондинъ, довольно полный и ничѣмъ

особенно не отличался. Томассенъ былъ болѣе типиченъ. Маленькій сухощавый, пожилой, съ моноклемъ въ глазу, онъ носилъ форму колоніальныхъ войскъ, служба въ которыхъ оставила извѣстный отпечатокъ на немъ. Былъ весьма сухъ въ обращеніи и, видимо, не только строгъ, но и жестокъ къ подчиненнымъ.

Въ назначенный часъ я отправился въ Управленіе французскаго коменданта.

Подполковникъ Томассенъ въ краткихъ словахъ изложилъ мнѣ тѣ требованія, которыя предъявилъ командиръ Оккупаціоннаго Корпуса къ русскимъ войскамъ въ Галлиполи. Эти требованія заключались въ слѣдующемъ:

Эвакуированная изъ Крыма Русская Армія не является больше арміей, а лишь бѣженцами. Генералъ Врангель больше не Главнокомандующій, а тоже простой бѣженецъ. Также и въ Галлиполи, по словамъ Томассена, никакого армейскаго корпуса нѣтъ, нѣтъ начальниковъ - всѣ, безъ исключенія, бѣженцы, которые должны подчиняться только ему, какъ французскому коменданту. Далѣе онъ указалъ, что послѣднее, что требуется отъ меня, это сдать французамъ все имѣвшееся у насъ оружіе и объявить частямъ объ исполненіи предъявленныхъ намъ требованій.

Я выслушалъ Томассена совершенно спокойно, когда же онъ окончилъ свое повѣствованіе, то я, хорошо зная взглядъ Генерала Кутепова, и, будучи убѣжденъ, что найду въ его лицѣ, по выздоровленіи, полную поддержку, также спокойно сказалъ ему: Русская Армія и послѣ эвакуаціи осталась арміей; Генералъ Врангель былъ и есть нашъ Главнокомандующій; въ Галлиполи расположены не бѣженцы, а войска, составляющіе корпусъ; во главѣ этого корпуса временно стою я и только мои приказанія будутъ исполняться войсками; на него же я смотрю, какъ на офицера союзной арміи и коменданта сосѣдняго гарнизона и, наконецъ, никакого оружія я ему не сдамъ.

Выслушавъ мой вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, Томассенъ, уже взволнованный, отвѣтилъ, что онъ приметъ болѣе суровыя мѣры къ тому, чтобы приказаніе французскаго командованія было исполнено и, какъ онъ выразился: генералъ, не исполняющій его требованій не можетъ оставаться здѣсь, въ Галлиполи, а будетъ доставленъ въ Константинополь, другими словами, онъ грозилъ меня арестовать.

На это я твердо отвѣтилъ, что русскія войска поступать такъ, какъ я имъ прикажу, всталъ и вышелъ изъ Управленія французскаго коменданта вмѣстѣ съ сопровождавшимъ меня полковникомъ, состоявшимъ при штабѣ корпуса въ качествѣ переводчика.

Придя въ штабъ корпуса, я немедленно отдалъ всѣ нужныя приказанія на случай тревоги, а также касающіяся занятія французскаго и греческаго телеграфа. Кромѣ другихъ еще мѣръ предосторожностей, я отдалъ приказаніе командиру нашего броненосца "Георгій Побѣдоносецъ", стоявшаго на рейдѣ недалеко отъ французской канонерки, протаранить и потопить ее, когда послѣдуетъ на то особый сигналъ съ берега, дабы уничтожить радіостанцію на ней и ослабить французскія силы.

Мнѣ стало извѣстнымъ, что Сенегальцы оплелись проволокой и приняли всѣ мѣры предосторожности, при чемъ настроеніе было у нихъ, особенно по ночамъ, довольно тревожное.

Такое положеніе продолжалось до нашего православнаго Рождества. За это время у меня не было никакихъ сношеній съ Томассеномъ. Несомнѣнно, какъ я, такъ и онъ послали соотвѣтствующія донесенія въ Константинополь, я - Генералу Врангелю, а онъ - командиру Оккупаціоннаго Корпуса.

Наступило 25 Декабря по ст. ст. Въ Галлиполійскомъ греческомъ соборѣ греческій Митрополитъ Константинъ, въ сослуженіи съ нашимъ духовенствомъ совершалъ торжественное богослуженіе. Послѣ литургіи служили молебенъ. Храмъ былъ полонъ молящихся. И вотъ, во время молебна, стоя впе-

реди, я услышалъ движенie въ церкви и шопотъ. Это Подполковникъ Томассенъ съ чинами своего штаба, всѣ въ походной парадной формѣ, при оружiи и орденахъ, протискивались впередъ. Они стали сзади меня. Когда я, приложившись къ кресту, отошелъ въ сторону, ко мнѣ подошелъ Томассенъ и принесъ поздравленie отъ лица своего и французскаго гарнизона по случаю нашего праздника.

Этимъ жестомъ инцидентъ былъ исчерпанъ. Мы отвергли предъявленный ультиматумъ, французы признали нашу силу и рѣшимость.

Фактъ отказа сдать оружie и далъ возможность, какъ на всемъ протяженiи нашего пребыванiя въ Галлиполи, такъ и впослѣдствiи, сохранить нашу воинскую организацiю и заставилъ считаться съ нами.

Вскорѣ прибылъ изъ Константинополя отъ Главнокомандующаго, командированный мною, Генералъ Георгiевичъ и привезъ мнѣ отъ Генерала Врангеля отвѣтъ, въ которомъ Врангель не только одобрилъ мои дѣйствiя, но и выразилъ свою благодарность.

Генералъ Кутеповъ, который, какъ только ознакомился , по своемъ выздоровленiи, со всѣмъ происшедшимъ за время его болѣзни, выразилъ также полное свое удовлетворенie за всѣ мои дѣйствiя.

-:-

Къ лѣту 1921 года окончательно выяснилось стремленie французскаго правительства распылить Галлиполiйскiя войска и тѣмъ самымъ, какъ тогда казалось французамъ, уничтожить не только кадры Крымской Армiи, но и идею Бѣлой вооруженной борьбы.

Съ этой цѣлью французами былъ выпущенъ рядъ "обращенiй" и "объявленiй", убѣждавшихъ русскiя войска выйти изъ подчиненiя своимъ начальникамъ и отправиться въ Совѣтскую Россiю, въ Бразилiю и въ иныя мѣста.

При этомъ французское правительство не скупилось на преувеличенiя явно циничныя и обманныя. Припоминаю, какъ французскiй комендантъ Подполковникъ Томассенъ въ разговорѣ со мной доказывалъ, что лучше всего

ѣхать намъ въ Бразилію и рисовалъ заманчивыя перспективы, но получивъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, больше подобныхъ разговоровъ со мной не возобновлялъ.

Полуголодный Галлиполійскій паекъ, выдаваемый французскимъ интендантствомъ, былъ еще болѣе урѣзанъ и сталъ въ полномъ смыслѣ слова - голоднымъ.

Къ счастью для насъ, усилившійся натискъ французовъ совпалъ съ періодомъ духовнаго возрожденія Галлиполійскихъ войскъ. Принятыми мѣрами дисциплина и духъ войскъ были подняты на должную высоту, а это обстоятельство давало Галлиполійскому Командованію возможность стойко и непреклонно бороться съ разлагающими тенденціями французовъ.

Все же положеніе создавалось весьма серьезнымъ. Генералъ Кутеповъ понималъ это и въ своихъ довѣрительныхъ бесѣдахъ со своимъ Начальникомъ Штаба Генералъ-Маіоромъ Штейфономъ, а также и со мной, какъ своимъ замѣстителемъ, не скрывалъ своихъ опасеній. Командира Корпуса особенно волновалъ вопросъ, что дѣлать, если французы выполнятъ свою угрозу и прекратятъ выдачу продовольствія.

Достойный выходъ былъ одинъ: уходить изъ Галлиполи и тѣмъ отвергнуть французскій планъ распыленія. Такой исходъ могъ быть осуществленъ только походнымъ порядкомъ, ибо ни Главное, ни тѣмъ болѣе Галлиполійское Командованіе не располагали тоннажемъ.

Послѣ продолжительнаго обсужденія, Командиръ Корпуса избралъ слѣдующій планъ:

Въ случаѣ прекращенія французами продовольствія войскъ или предъявленія новаго ультиматума о разоруженіи, Корпусъ двинется походнымъ порядкомъ изъ Галлиполи въ направленіи на Кешанъ и далѣе на сѣверъ, распространяя слухъ о своемъ желаніи перейти въ Болгарію. Достигнувъ параллели Константинополя, повернувъ на востокъ и форсированными маршами

занять сперва Чаталджинскую позицію, а затѣмъ и Константинополь.

По мнѣнію Генерала Кутепова, занятіе Константинополя явилось бы внушительной демонстраціей, способной обратить вниманіе міра на положеніе Бѣлой Арміи.

Въ своей идейной части, намѣченный планъ являлся, конечно, типичной авантюрой. Впрочемъ, развѣ еще не большей авантюрой являлись переходъ черезъ Альпы Ганнибала и Суворова2 Въ качествѣ военнаго предпріятія, планъ имѣлъ много шансовъ на успѣхъ. Въ его основу клались дерзкая смѣлость и внезапность, что, какъ извѣстно, всегда способствуетъ побѣдѣ. Затѣмъ, обще-политическая обстановка тоже была благопріятна для насъ. Константинополь служилъ центромъ сильнѣйшихъ Европейскихъ страстей. Кемаль, являвшійся фактическимъ диктаторомъ Турціи, только и ожидалъ благопріятнаго момента, чтобы овладѣть Оттоманской столицей.

Въ свою очередь, Султанъ, находившійся въ почетномъ плѣну у союзниковъ, мечталъ любой цѣной упрочить свою власть.

Греки не скрывали своихъ историческихъ вожделѣній овладѣть Царьградомъ.

Что касается союзниковъ, то въ ихъ отношеніяхъ, давно, увы, не было ни сердечности, ни согласованности взглядовъ и дѣйствій. Къ тому же, союзный гарнизонъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ колоніальныхъ войскъ, какъ по своей численности, такъ и по духу, не могъ считаться опаснымъ для такихъ первоклассныхъ войскъ, какими былъ I-й Армейскій Корпусъ. Главной и наиболѣе страшной силой союзниковъ являлся ихъ военный флотъ, охранявшій Константинополь. Однако, Галлиполійское Командованіе было глубоко убѣждено, что союзники никогда не рискнутъ на дѣйствія флотомъ, такъ какъ таковое дѣйствіе было бы равносильнымъ разгрому города. Допустить же такую крайнюю мѣру не позволили бы союзные интересы, пропитанные алчностью и соперничествомъ.

Такимъ образомъ, занявъ Константинополь, Бѣлыя войска имѣли всѣ основанія найти для себя, хотя и временныхъ, но союзниковъ и въ то же время не ожидать серьезнаго военнаго сопротивленія.

Послѣ Великой войны и обнаружившейся общей неудовлетворенности ея результатами, Европа переживала періодъ волевого маразма. На этой психологической предпосылкѣ и строился, главнымъ образомъ, планъ похода, ибо Бѣлыя войска отлично знали силу моральнаго элемента.

Что касается дальнѣйшаго, послѣ занятія Константинополя, поведенія, то оно не предрѣшалось и ставилось въ зависимость "отъ непріятельскаго обращенія".

Генералъ Кутеповъ и Начальникъ Штаба Корпуса Генералъ-Маіоръ Штейфонъ умѣли хранить секреты и вообще,по свойству своихъ характеровъ,не отличались служебной общительностью.Надуманный ими планъ долго сохранялся въ полной тайнѣ, не только отъ галлиполійскихъ начальниковъ, но съ нимъ не былъ первоначально ознакомленъ и Главнокомандующій Генералъ Врангель. Они считали, что успѣхъ этого намѣренія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ совершенной скрытности подготовки и внезапности дѣйствій. Французы имѣли свою контръ-развѣдку, всячески стремились проникнуть во всѣ дѣла Русскаго Командованія и съ этимъ необходимо было считаться.

Въ планъ Константинопольскаго похода прежде всего и полнѣе остальныхъ былъ посвященъ только я, какъ Замѣститель Командира Корпуса.

Однажды, Генералъ Штейфонъ какъ то пріѣхалъ въ лагерь, гдѣ были расположены I-я пѣх. и Кавалерійская дивизіи, и гдѣ я являлся начальникомъ лагернаго сбора, чтобы присутствовать на тактическихъ занятіяхъ въ Марковскомъ полку. Послѣ занятій, онъ зашелъ ко мнѣ въ мою палатку. Насъ связывала боевая дружба, создавшаяся еще въ періодъ героической обороны Донецкаго бассейна. Въ эту встрѣчу Генералъ Штейфонъ, по приказанію Генерала Кутепова, и сообщилъ мнѣ болѣе подробно о задуманномъ пла

нѣ, предупредивъ о полной секретности этого разговора. Разработкой плана и подготовкой къ походу вѣдалъ Генералъ Штейфонъ, лично входя во всѣ детали таковыхъ вопросовъ. Съ этой цѣлью имъ была произведена тщательная рекогносцировка путей и собранъ статистическій матеріалъ, выявляющій возможныя условія будущаго похода. Произведены тщательныя расчеты и разработана организація движенія.

Особенно большимъ достиженіемъ Генерала Штейфона являлось то обстоятельство, что путемъ секретныхъ переговоровъ съ греками, ему удалось заручиться ихъ поддержкой. Греки были юридическіе, а въ глубинѣ полуострова и фактическіе хозяева положенія. Ихъ сочувствіе нашему плану имѣло громадное значеніе. Какъ результатъ этихъ секретныхъ переговоровъ, было достигнуто то, что греческая администрація и греческія военныя власти, по указаніямъ изъ центра, должны были оказать полное содѣйствіе русскимъ войскамъ по ихъ выходѣ изъ Галлиполи. Обѣщаніе греческой помощи было особенно цѣнно, такъ какъ оно сводилось, главнымъ образомъ, къ снабженію отъ мѣстныхъ жителей проводниками, перевозочными средствами и продовольствіемъ на все время движенія.

Дабы подготовить войска къ внезапному выступленію и въ то же время не вызывать этими мѣрами подозрительности французовъ, Генералъ Штейфонъ предложилъ Командиру Корпуса ввести въ программу обученія войскъ - ночныя тревоги. Эта мѣра дала прекрасные результаты. Первымъ было поднято по тревогѣ Александровское Военное Училище. Въ смыслѣ быстроты и порядка сбора, оно представилось отлично, но, какъ и слѣдовало ожидать, въ вопросахъ хозяйственной подготовки обнаружилось много недочетовъ. Училище, конечно, не подозрѣвало, съ какой цѣлью была устроена "тревога".

На основаніи опыта Александровскаго Училища, войскамъ были даны соотвѣтствующія указанія и объявлено, что Корпусъ всегда долженъ быть готовымъ выступить походнымъ порядкомъ изъ Галлиполи. Таковая возмож-

ность была мотивирована тѣмъ, что отсутсвіе тоннажа можетъ побудить совершить переходъ въ Балканскія страны походнымъ порядкомъ. Въ это время Главнокомандующій велъ переговоры о принятіи Корпуса Сербіей и Болгаріей. Объ этомъ знали и наши войска и французы. Объясненіе казалось настолько правдоподобнымъ, что всѣми было принято, какъ вполнѣ естественное.

Въ итогѣ, послѣ ряда ночныхъ тревогъ и введенныхъ тоже въ программу обученія походныхъ движеній, Корпусъ былъ вполнѣ готовъ къ выступленію въ любой моментъ.

Первая ночная тревога вызвала среди французовъ большое волненіе. Ихъ малый гарнизонъ былъ, какъ островокъ,среди русскаго "военнаго моря".

Видя, что это только ученіе, французы успокоились.

Можно было сохранить въ полной тайнѣ цѣль подготовки Корпуса, но самую подготовку, конечно, невозможно было скрыть. Поэтому, естественно, что непонятныя дѣйствія русскаго командованія не могли не привлекать вниманіе французскаго командованія. Къ тому же, Генералъ Кутеповъ демонстративно подчеркивалъ, что, въ случаѣ прекращенія французами довольствія, онъ поведетъ свой Корпусъ въ Болгарію походнымъ порядкомъ.

Какъ уже указывалось, французскія угрозы прекратить довольствіе являлись лишь средствомъ для осуществленія основной цѣли: уничтоженія русской національной вооруженной силы. Поэтому самовольный уходъ Корпуса въ Болгарію не входилъ въ расчеты французской дипломатіи. Къ тому же, уходъ подъ давленіемъ голода, былъ бы европейскимъ скандаломъ.

Не стѣсняясь въ мѣрахъ самаго грубаго воздѣйствія на русскія войска въ предѣлахъ Галлиполи, Лемноса и иныхъ русскихъ лагерей, французы отнюдь не желали громкаго скандала.

Въ виду такихъ соображеній, Командиръ Французскаго Оккупаціоннаго Корпуса на Востокѣ, рѣшилъ наглядно убѣдить русское командованіе въ не-

возможности самовольнаго ухода походнымъ порядкомъ.

Необходимо объяснить, что наиболѣе уязвимымъ мѣстомъ русскаго плана являлось движенiе Булаирскимъ перешейкомъ, соединяющимъ Галлиполiйскiй полуостровъ съ материкомъ. Дорога, проходящая перешейкомъ, настолько близко подходила къ морю, что являлось серьезное опасенiе попасть, въ этомъ мѣстѣ, подъ огонь французской судовой артиллерiи. Подобное опасенiе было тѣмъ естественнѣе, что на Галлиполiйскомъ рейдѣ, какъ я указывалъ выше, всегда находилась дежурная французская канонерка или миноносецъ. Къ тому же, въ случаѣ нужды, этотъ миноносецъ могъ быть усиленъ подходомъ изъ Константинополя французскихъ военныхъ кораблей.

Несмотря на всѣ старанiя выяснить, насколько можетъ быть дѣйствителенъ судовой огонь по Булаирскому перешейку, это намъ не удавалось. Однако, французы сами помогли разъяснить этотъ вопросъ. Въ отвѣтъ на наши маневры, они рѣшили произвести свои, при участiи сенегальцевъ и миноносца. Дабы показать, какъ ими надежно закрытъ выходъ изъ Галлиполи, на миноносецъ былъ приглашенъ присутствовать на маневрахъ Генералъ-Лейтенантъ Карцовъ, бывшiй въ роли переводчика при Генералѣ Кутеповѣ. Послѣднiй, получивъ указанiе отъ Начальника Штаба, обратилъ особенное вниманiе на дѣйствительность стрѣльбы по перешейку и установилъ совершенно точно, что, благодаря топографiи мѣстности, снаряды миноносца или перелетали дорогу или попадали въ гряду, прикрывающую дорогу съ моря. Такимъ образомъ, благодаря оплошности французовъ,нашему Штабу Корпуса удалось узнать чрезвычайно важное свѣдѣнiе. Съ полученiемъ этой данной, работа Генерала Штейфона по составленiю плана была закончена и, надо признать, вполнѣ успѣшно.

По завершенiи плана, Командиръ Корпуса командировалъ Начальника Штаба въ Константинополь для секретнаго доклада Генералу Врангелю. Главнокомандующiй одобрилъ, какъ планъ, такъ и все сдѣланное.

Получивъ санкцію Главнокомандующаго, Генералу Кутепову потребовалось разрѣшить еще одинъ, весьма важный, вопросъ - избрать исполнителей своего плана.

Сложная операція выхода изъ Галлиполи представлялась въ слѣдующемъ видѣ. Внезапнымъ ночнымъ налетомъ разоружался сенегальскій батальонъ, расположенный за городомъ по сосѣдству съ Сергіевскимъ Артиллерійскимъ Училищемъ. Подобное заданіе не представляло никакой сложности для Бѣлыхъ Войскъ. Разоруженіе сенегальцевъ было возложено на авангардъ, дабы, имѣя ввиду послѣдующія дѣйствія, онъ могъ бы вооружить себя сенегальскимъ оружіемъ. По выполненіи своего перваго порученія, авангардъ долженъ былъ, не задерживаясь, двигаться форсированными маршами, дабы возможно скорѣе захватить Чаталджинскую позицію, прикрывающую Константинополь. Главныя силы, не останавливаясь въ городѣ, обязаны были двигаться за авангардомъ, поддерживая послѣдній своими энергичными дѣйствіями.

Не менѣе отвѣтственная задача при выходѣ изъ города, возлагалась на арьергардъ. Онъ обязанъ былъ обезвредить французское командованіе въ Галлиполи, прервать его связь съ миноносцемъ, вывезти всѣ артиллерійскіе, интендатскіе и иные потребные намъ запасы, не допускать никакихъ аморальныхъ эксцессовъ и, въ случаѣ подхода изъ Константинополя морской или иной пѣхоты, удерживать таковую, чтобы дать время и возможность остальнымъ силамъ Корпуса безпрепятственно выполнять свое назначеніе.

Начальникомъ авангарда былъ назначенъ Командиръ Дроздовскаго Стр. полка Генералъ-Маіоръ Туркулъ съ Дроздовскими частями.

Начальникомъ главныхъ силъ былъ назначенъ я. Въ составъ главныхъ силъ входили: Пѣхотная дивизія, Кавалерійская дивизія, всѣ вспомогательныя войска, санитарныя заведенія. При главныхъ силахъ должны были слѣдовать и семьи.

Начальникомъ арьергарда Командиръ Корпуса назначилъ своего Началь-

ника Штаба и Галлиполійскаго Коменданта Генералъ-Маіора Штейфона съ подчиненіемъ ему всѣхъ Военныхъ Училищъ.

2I Іюля Командиръ Корпуса пригласилъ на секретное засѣданіе указанныхъ будущихъ начальниковъ колоннъ, а также Начальника Кавалерійской дивизіи Генерала Барбовича и Начальника Сергіевскаго Артиллерійскаго Училища Генералъ-Маіора Казмина. Послѣдній, какъ ближайшій сосѣдъ сенегальцевъ, обязанъ былъ способствовать авангарду при разоруженіи, а затѣмъ поступить въ подчиненіе Начальника арьергарда.

Командиръ Корпуса объявилъ собравшимся обстановку, принятый имъ планъ и распредѣленіе частей и обязанностей. Начальникамъ колоннъ и Генералъ-Маіору Казмину было приказано, во исполненіе основного плана, продолжать развѣдку и подготовку въ предѣлахъ своихъ будущихъ задачъ.

-:-

Къ концу лѣта I92I года переговоры Главнаго Командованія о принятіи частей Русской Арміи правительствами Болгаріи и Сербіи увѣнчались успѣхомъ, и до самаго разъѣзда частей изъ Галлиполи французское командованіе продолжало выдавать скудный паекъ.

Походъ на Константинополь отпалъ. Было ли это къ лучшему или къ худшему - судить намъ не дано, но думается, что весь планъ похода и его подготовка были настолько продуманы и разработаны а, кромѣ того, духъ войскъ, сплоченность ихъ, жертвенность и, наконецъ, рѣшимость стояли настолько высоко, что въ успѣхѣ похода сомнѣваться было трудно.

Генералъ-Лейтенантъ ВИТКОВСКІЙ.

Декабрь I933 года.

Парижъ.